

Вера Капьянидзе

СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

Вера Капьянидзе

**Случайные встречи.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Капьянидзе В.

Случайные встречи. Сборник рассказов / В. Капьянидзе —
«ЛитРес: Самиздат», 2016

Сборник о настоящем: настоящих человеческих ценностях, настоящей борьбе, в первую очередь с собой, настоящих чувствах, настоящей вере и настоящей – душевной – красоте. Книга включает в себя 14 рассказов, большинство из которых представляют собой красочные зарисовки из прошлого, содержащие тонкие нотки грусти и ностальгии.

Содержание

Ген сиротства	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вера Капьянидзе

Случайные встречи. Сборник рассказов

Ген сиротства

Глядя на старую Лимонку, прозванную так по фамилии покойного мужа – Василия Лимонова, можно было подумать, что она сразу родилась старухой. В ней не только не осталось, но, как говорят те, кто знал ее с молодости, никогда и не было ничего женского. Ни желания принарядиться, или кому-то понравиться, ни живого, кокетливого, или, на худой конец, просто любопытного взгляда. В ней не было не то, что изюминки, присущей многим женщинам, в ней, казалось, не было вообще ничего живого. Согнутое годами, уныло-равнодушное существо. Зомби. И хоть ей было немногим за семьдесят, и если внимательнее приглядеться, то и выглядела она моложе своих лет, но одетая непонятно во что, представляла собой какое-то совершенно дикое, неопрятное существо, непонятного рода. Если летом еще хоть как-то можно было определить, что это все-таки женщина в остаточном состоянии, то зимой это было неразрешимой задачей. Просторные вязаные штаны-рейтузы неряшливо напоздали на огромные мужские ботинки, которыми она усердно шаркала при ходьбе, а то и вовсе волочилась на них, как на лыжах. Старая, куцая и выгоревшая шубейка из искусственного меха неопределенного цвета кургузо топорщилась над какой-то серой тряпицей, смутно напоминавшей юбку. А на голове восседала такая же серо-грязная шапка ушанка. С осени до весны замотанная поверх ушанки в старую, побитую молью шаль, заменявшую ей и шарф, она вызвала в окружающих не столько сострадание к обделенной старости, сколько чувство брезгливости и раздражения.

Старчески опущенные плечи зимой и летом ей оттягивали неизменные ее спутницы – связки сумок и пакетов с таинственным содержимым. С ними она ежедневно выходила из дома, и с ними же возвращалась. Куда она, не считаясь с погодой, ходила каждый день, никто на улице не знал, да особо и не интересовался. Лишь одна неумная пенсионерка-активистка Муся, допытывала ее при редких встречах:

– Люся, куда это ты все ходишь? Как ни посмотрю, все откуда-то возвращаешься.

– Гуляю. Мне врач сказал, что в нашем возрасте надо как можно больше двигаться. – Недовольно объясняла ей Лимонка.

А про себя думала «Все-то ей знать надо. Какое ей дело, куда я хожу?» Лимонка скрывала, что она до сих пор работает. Ей почему-то было стыдно признаться, что она устроилась дворником в детском саду. Хотя, что тут особенного? Сейчас почти все пенсионеры вынуждены работать чуть ли не до смерти. На одну пенсию не прожить, вот и приходится на старости лет горбатиться. Мусе же, в действительности, не было до Лимонки никакого дела, как, впрочем, и всем остальным жителям небольшой улочки. Старожилы привыкли к ее незаметному существованию, а новые даже и не знали, что это их соседка.

Лимонка никогда не отличалась общительностью: никогда ни с кем не разговаривала, не делилась ни радостью, ни бедой, не жаловалась ни на мужа, ни на детей. Жила, как тень, серой мышкой прошмыгивая из своей калитки и обратно. А с годами, оставшись одна в пустой квартире, и вовсе одичала. У нее была двухкомнатная квартира с удобствами и даже с телефоном. Не была Лимонка и одинокой: у нее были дети. Сын и дочь. И две внучки. В общем, все, как у людей.

* * *

В тот год, в начале февраля зима, наконец, пробудилась от спячки и в срочном порядке объявила аврал по всем своим службам. Город яростно атаковали метели, вьюги и бураны, безжалостно закидывая колючими зарядами прохожих. Сугробы вспухали и ширились на глазах, снежные заносы под дверями стареньких одноэтажных домиков на окраине города за ночь прочно баррикадировали жильцов. По утрам люди безропотно расчищали дорожки, чтобы через два часа вновь оказаться в снежной осаде. Казалось, этому снежному беспределу не будет конца. Зима, запоздав на два с лишним месяца, поспешно наверстывала упущенное. Расстреляв за неделю весь снежный запас, она пустила в ход последнее оружие: вслед за метелями затрещали такие небывалые морозы, каких давно уже не было. Столбики термометров зашкаливало далеко за 35. Школы и детские сады закрылись на время морозов. И Лимонка на короткое время осталась без работы: снега в такие морозы, как известно, не бывает, а все, что до этого выпало, она успела почистить, потому что всегда относилась к любой работе более чем добросовестно. Начальница детского сада сама позвонила ей домой, чтобы Лимонка не выходила на работу. Лимонка обрадовалась. «Хоть передохну, а то совсем замучилась с этими заносами». Ей с каждым днем становилось все труднее орудовать лопатой. Но о том, чтобы бросить работу, не могло быть и речи. «Нет, на одну пенсию мне не вытянуть, – уныло думала она. Пока за квартиру, за газ, за телефон заплатишь, вот уже меньше тысячи и останется. Разве на это проживешь? Хорошо, еще, что телевизор Наташке отдала, все за свет меньше платить». Да, помощи ждать Лимонке не приходилось. Невестка, с молодости затаившая обиду, Виталику не даст и рубля для нее. И чего она все злится на Лимонку? Сама мать, могла бы, и понять ее. Какой матери понравится, что ее сын женится на женщине старше себя, да еще и с чужим ребенком? А теперь еще и сам Виталик обиделся, что дачу и квартиру Наташке подписала. Как узнал, вообще перестал ходить. Уже года два не появляется и не звонит. Даже не поинтересуется, жива она или нет. «О-хо-хо, – горько вздохнула Лимонка, уныло плетясь в магазин. – Ему-то что? Он хорошо устроен. Живет на всем готовом. И дача, и квартира, и машина от тещи достались. Да и детей совместных нет. А у Наташки жизнь не задалась. Овдовела рано, осталась с двумя малыши девчонками. Кто же ей еще поможет? Хоть, квартиру успели получить. Да, упустила она девчонок в свое время, пока по больницам валялась после смерти мужа, а теперь вот мучается с ними. Ни учиться, ни работать не хотят, а деньги с матери требуют. Ведь, что придумали: если ты нас не оденешь нормально, то никто замуж не возьмет. Может, оно сейчас и вправду так? За хорошую одежду замуж берет? Кто сейчас этих молодых разберет».

Лимонка уже несколько раз выходила из дома покормить Герду – собаку своих ненавистных соседей. Но той, вечно мотающейся по улице да по мусорным бакам, как бездомной, сейчас нигде не было видно. «Наверное, забила куда-нибудь от морозов. – Решила Лимонка. – А может быть, уже оценилась?» Герда должна была вот-вот осчастливить своих непутевых хозяев. «Да, не повезло мне с соседями, – привычно думала Лимонка. – Со всех сторон обложили».

Больше полвека назад ее муж получил от завода эту квартиру. В те времена эти одноэтажные двух, трех или четырех квартирные домики громко назывались коттеджами, и их обладатели слыли в городе счастливыми. Вместе с квартирой, они получили и небольшой участок земли. Сейчас, постаревшие вместе с их обитателями, десятилетиями не отремонтированные, эти домишки перешли в разряд бараков. На половине дома, где жила Лимонка, была еще одна квартира. Прежняя ее владелица лет пятнадцать назад умерла, и ее дочки продали квартиру беженцам из Таджикистана. Сейчас много разного люду понаехало. Хоть Лимонка и с Мотей – покойной соседкой, не дружила, но та хоть была своя, местная. А эти – приехали, неизвестно откуда, зачем и непонятно, кто такие. Говорят, что русские, а кто их там разберет, какие они

русские, сейчас все перепуталось. Эти соседи Лимонке сразу не понравились. Сейчас она уже точно и не помнила, с чего у них все началось? А, ну как же, как она могла забыть такое! Они с первых же дней ее насторожили. Это надо такое придумать! Только-только въехали в свою половину, а на следующий день уже стучатся к ней:

– Простите, мы бы хотели с Вами познакомиться.

Вот это ее сразу и насторожило. А зачем это им, собственно, понадобилось? И что они про нее хотят разузнать? Подозрительные какие-то! Понаехали!

А они:

– Хороший сосед – лучше родного брата...

Вот ведь хитрые! Но, она, не будь душой, только имя и отчество свое им сказала, и дверь прямо перед их носом захлопнула. Пусть знают, что она тоже не лыком шита! Но они на этом не успокоились. Еще лучше придумали. Через неделю опять стучатся:

– Людмила Васильевна, у нас к Вам просьба. Можно мы Вам ключ от квартиры оставим? Дети в школе, а нам нужно ехать прописку оформлять.

Лимонка даже фыркнула от этих воспоминаний. Это надо же! Совсем, видать, ее за дурочку приняли! Вот тут-то она их и раскусила! Она так прямо и сказала им тогда:

– Нет, нет!!! У Вас что-нибудь из дому пропадет, а вы мигом милицию вызовете...

– Да что Вы, Людмила Васильевна! У нас и брать-то нечего! Нет у нас никаких ценностей. Мы все, что нажили, в Таджикистане продали, чтобы с голоду не помереть, – начали они заговаривать ей зубы.

Бедными прикинулись! А квартиру на что купили? Нет, ее не так-то просто провести! Она-то уж знает, как это все делается, грамотная. И газеты читает, и телевизор смотрит. Сначала подсунут ей свой ключ, потом упекут в тюрьму за кражу, а пока она будет свой срок отсиживать, подкупят кого-нибудь в ЖЭКе. И все! Ни тебе свободы, ни жилья. Один только ей маршрут заказан – в Дом престарелых, больше некуда. Невестка ее и на порог не пустит. А к дочери она и сама не пойдет. Лимонка хорошо помнит, как Наташка недавно привела в дом мужика, вроде, как жить вместе решили. Так Лимонка ей по-доброму, по-матерински посоветовала глаз держать остро, как бы он чего не утащил из дому. А еще лучше, вообще его в дом не пускать. Встречаться-то можно и у него. Уж кто-кто, а Лимонка знает, что из всего этого может выйти. А Наташка:

– Мам, да что это у тебя все воры, да проходимцы вокруг? Может быть, тебе к психиатру обратиться?

Это на что она намекает? Да на то, что если что не так, то живо мать в дурдом спровадит. Если и не она, то ее новый муж. Этот уж точно отправит. И так несколько раз намекал что у нее, дескать, с головой не все в порядке. За своей головой бы лучше следил. А новым соседям Лимонка тогда так и сказала:

– Вы с такими вопросами ко мне больше не обращайтесь.

Она и сейчас безмерно гордилась собой, как она тогда их на место поставила! Только они и на этом не успокоились! Такие настырные! Через несколько дней пришли приглашать ее на новоселье. А когда она наотрез отказалась, кусок пирога ей домой притащили. Аппетитный пирог, ничего не скажешь, слюнки и сейчас от воспоминаний текут. Но Лимонка и на эту их уловку не клюнула. Небось, отравленный, не иначе. А то с чего бы они просто так стали ее угощать? Они потом еще несколько раз ее то пирогами, то пловом угощали, но она никогда ничего так и не попробовала. Мало ли что...

А то ведь еще что придумали: сарай у них вечно открытый стоит, во дворе разные свои вещи разбросают, белье под навесом повесят, и даже на ночь не убирают. Это ведь для чего делается? Ловушки для нее, Лимонки, подстраивают. Только и ждут, как у них что пропадет, так сразу милицию и вызовут. Но ее-то не проведешь! Все их хитрости белыми нитками шиты. Лимонка за всю свою жизнь спички чужой никогда не взяла. А эти, небось, только и смотрят,

что бы у нее стянуть. Но она не дурочка! У нее всегда все под замками: и сарай, и огород, и почтовый ящик, не говоря уже о квартире. И на каждом замке есть своя метка: ниточка или проволочка, чтобы сразу было видно, что кто-то пытался открыть...

И все здороваются и здороваются с ней, да еще и улыбаются, словно и, правда, рады ее видеть! Лицемеры! В глаза ей здоровья желают, а за глаза все никак не придумают, как бы от нее ловчее избавиться. А потом еще чище! Это уже было, когда их старший мальчишка школу окончил и уехал в Петербург на моряка учиться, вот тогда девчонка стала зачем-то к ней в дом через форточку лазить. А когда Лимонка пожаловалась хозяйке Татьяне, что к ней кто-то в форточку лазает, та вместо того, чтобы дочке хорошую трепку задать, принялась еще ее выгораживать:

– Да что вы такое говорите, Людмила Васильевна! Мои дети никогда ничего подобного не позволят!

Как же, не позволят ее дети! Лимонка специально красную ниточку к форточке привязывала, и каждый раз эта ниточка по-другому висела. Вроде бы и брать ничего не брала девчонка, а только безобразничала каждый день, словно дразнила ее с этой ниточкой.

– А что у Вас пропало? – допытывалась тогда соседка.

Лимонка, честно сказать, и не знала, пропало ли у нее вообще что-нибудь или нет, потому что весь ее дом был завален добром. Она никогда ничего не выкидывала, не то, что некоторые, безалаберные хозяйки. В хозяйстве ведь все может пригодиться. У Лимонки хранились вещи, в которых еще ее дети в детский сад ходили. Потом уже и Наташка привозила ей вещи, из которых вырастали внучки, сестра отдавала со своих детей, внуков и с себя. Да и сама Лимонка каждый день что-нибудь тащила домой с помойки. Сейчас люди стали выкидывать такие вещи, каких раньше и в магазине не найдешь. Поэтому разобраться в мешках, коробках и сумках, что именно у нее пропало, так, с ходу, было невозможно.

– Может быть, что-нибудь из продуктов?

– Не знаю.

– Тогда с чего вы взяли, что к вам кто-то в форточку лазил? К нам же никто не залез. – Все допытывалась соседка.

– Знаю, – упорствовала Лимонка.

– Ну, в таком случае, вызывайте милицию. – Посоветовала ей Татьяна, и ушла к себе.

Милицию Лимонка, конечно же, вызывать не стала. А то, как бы хуже не было: еще обернут все против нее. Но меры предосторожности тогда все же приняла. Она специально ездила узнавать, сколько будут стоить решетки на окна. Но это ей оказалось не по карману, и тогда она заставила Виталика замотать все свои окна проволокой, а на калитку от палисадника повесила амбарный замок. Виталик сначала смеялся:

– Мам, да хватит тебе с ума сходить! Что ты людей смешишь?

Но Лимонка на него прикрикнула:

– Ты делай, что тебе сказано!

А потом заставила его на входной двери еще один засов, покрепче, понадежнее поставить, да на каждой двери в доме замки навесить, и на кухне тоже. Тогда только и прекратились эти безобразия. А с соседями с тех пор она вообще перестала здороваться. И они, наконец, отстали от нее со своими угощениями да разговорами. Но козни свои так и не перестали строить: сарай по-прежнему у них так и не закрывается. А по двору какие-то палки и камни складывают чудно, все по три штуки. Не иначе колдуют, со свету ее сжить хотят. Лимонка читала про такое. Но она и тут не дала маху! Она даже ходила в церковь, чего никогда прежде не делала. Родители ее были яркими атеистами, и ее с сестрой Валентиной воспитали также. В церковь тогда она попала в первый раз, и, не зная, что надо делать, увидев попа, сразу же направилась к нему.

– Я вот посоветоваться хотела... – робко забормотала она.

– Исповедоваться? – видно не расслышал батюшка. – Ну что ж, рассказывай, раба божья.

И Лимонка принялась подробно, как на духу рассказывать ему про все злодеяния ее соседей. Батюшка внимательно, не перебивая, выслушал и как-то чудно и туманно посоветовал:

– Жить надобно по законам Божиим. Бог нас учит: возлюби ближнего своего, как себя самого...

И ушел. Лимонка тогда так ничего и поняла, что же ей, собственно, делать. Соседей, что ли полюбить, велел? Это как же так? Они ее со свету сживают, а она их еще и любить должна? Нет, наверное, не понял ее поп. И тогда она сама, по какому-то внутреннему наитию, принялась вязать из палочек кресты и раскидывать их по всему двору, чтобы никакая нечистая сила ей не была страшна...

Раз уж выпали непредвиденные выходные, Лимонка решила заняться домом. Она перебирала старые, залежавшиеся вещи в коробках, обильно пересыпая их нафталином. На глаза ей попала мужская вязаная безрукавка. Это еще чья же? Лимонка никак не могла вспомнить, кому принадлежала эта вещь. Неужто, кто подбросил? Она тяжело поднялась. Ноги от долгого сидения на маленьком, стульчике затекли, и никак не хотели двигаться. Она с большим трудом, шаркая, вышла из зала, привычно закрыла его на замок, и, держась за стенку, побрела на кухню. Отперла дверь, поставила на газ чайник, достала из холодильника кастрюльку с наваренными куриными лапками, тоже поставила греть. Спасибо, вездесущей Мусе, надоумила. Как-то раз в магазине увидела, что Лимонка колбасу покупает.

– Что, Люся, гостей ждешь?

– Какие гости! Коту пропитание.

– А не жирно твоему коту будет? Хорошо, видать ему на твою пенсию живется? – усмехнулась Муся. – А я своему лапки куриные беру. Хватит с него и этого.

С тех пор Лимонка и покупает эти самые лапки. Уж как они ее выручают! И Барсика покормить, и Герду угостить, самой бульончика попить, а когда и лапку погрызть.

Пока лапки подогревались, Лимонка подошла к окну, и сквозь кружево намотанной проволоки стала внимательно оглядывать свой участок: не оставил ли кто следов под окнами? Но на снегу просматривалась только вязь кошачьих лап. Это ее кот Барсик наследил. Вот ведь гулена! Домой только поесть и приходит. А ведь так и до беды не далеко. Отравят, или отвезут, куда-нибудь. Совсем дикий стал. Не то, что прежний ее кот Никитка. Тот все больше дома сидел. «Но и это его не спасло, – горько вздохнула Лимонка. – Олег, гад, куда-то отвез на погибель. Больше некому. А я его за это еще и возлюбить должна!» – Пришли ей на ум слова батюшки.

Если с соседями по двору у нее шла необъявленная и тайная война, то с теми, что жили за забором, она враждовала уже много лет открыто и непримиримо. Для себя Лимонка так и не решила, что же лучше: хитрый и коварный, или откровенный враг? Хотя, какая разница! Ни от тех, ни от других ей никакой жизни нет! Те соседи, что проживали за забором, тоже чужие, пришлые. Но приехали с Севера. И по всему видать, с большими деньгами. Привезли машину, открыли свое дело: торговали пряниками на ближайшем рынке. И хоть соседи по двору были, как они ее убеждали, бедные (а может, прикидывались?), но между собой быстро нашли общий язык. Не иначе, объединились против нее. Лимонка не раз заставляла их мирно беседующими на улице. При ее приближении они сразу замолкали. Наверняка, какие-то планы выстраивали против нее. Хорошо, что она хоть Николая вовремя раскусила и выгнала. Тот еще прохиндей попался! Лазутчик-диверсант! «А, – вспомнила Лимонка, – так это же его безрукавка! Как это я забыла ее положить, когда вещи ему собирала? Теперь, наверное, всем рассказывает, что обобрала его. Надо бы как-то передать ему. Мне чужого не надо». И вдруг Лимонка поняла, что даже не знает, где живет Николай. Помнит, что проверяла его паспорт, там была прописка, но что именно там было написано, ей сейчас уже не вспомнить. Дочь Николая не раз звала

их в гости, но Лимонка так и не удосужилась съездить: то работа, то Наташка со своими проблемами...

Лимонка поневоле вспомнила те времена, когда познакомилась с Николаем. Когда Советская власть совсем уже загибалась, один ветеран с их улицы обошел все инстанции, и добился, чтобы им, наконец, провели воду и отремонтировали дома. Вот тогда она и познакомилась с Николаем. Он был, как и она, пенсионер, а в ЖЭКе подрабатывал к скудной пенсии. Сейчас-то Лимонка прекрасно понимала, что это Сатана в образе плотника Николая искушал ее, а тогда... И ведь как хитро смог к ней в душу залезть:

– Что же, – говорит, – Людмила Васильевна, нам с Вами в кошки-мышки играть? Мы уже люди не молодые, оба вдовы. Я предлагаю вместе нашу старость коротать. Вдвоем-то веселее будет. Как вы на это посмотрите?

Ну, она и потеряла бдительность. Конечно, в первую очередь она тогда подумала, ну, если он бригадир, то ей, глядишь, и ремонт получше сделают. Ведь самому здесь жить придется. Да еще этих дурацких бразильских сериалов насмотрелась. Смотрела тогда их все подряд, запоем, как помешанная: днем и вечером, ни одной серии не пропускала. Ну, и возомнила себя, наверное, неотразимой бразильской барышней, без которой Николаю не прожить и дня. Лимонка даже хихикнула от своей прежней глупости. Сейчас все ухаживания Николая казались ей таким давним прошлым, что она уже не помнила тех, прежних ощущений. Все ее прежние чувства поглотила непрекращающаяся война с соседями. У самого Николая была квартира, но в ней, кроме него, проживала дочка с семьей, и потому они решили, что лучше ему перебраться к Лимонке. Коварным аспидом заполз Николай в ее квартиру и в душу. И как она смогла такое допустить? Не иначе, как одурманил ее чем-то. Ведь сколько лет прожил, хорошим все прикидывался, с соседями сдружился, и даже ее как-то с ними примирил. А она тогда и не догадывалась, что все это неспроста.

Нет, конечно, ей с Николаем было хорошо. Он и Никитку еще маленьким котенком в ее дом принес. «На счастье», – говорит. Да, неплохой был мужик: и с огородом ловко управлялся, и с дачей. Не хуже покойного мужа. Вон даже теплицу ей в огороде поставил. А уж готовил как! Покойный-то муж, царствие ему небесное, к кухне на пушечный выстрел не подходил, а Николай даже блины печь умел. Да что там блины, хлеб пек! И сок яблочный научил ее закручивать на зиму. Мусья, помнится, тогда вся обзавидовалась. «Ты, – все приставала она к Лимонке, – своего Николая, наверное, в карты выиграла!» В карты, не в карты, а все вместе делали, везде вдвоем. И жалел он Лимонку, баловал. Вот только своей знаменитой лапшой так и не попотчевал ни разу, хотя сколько раз обещал. Сама-то Лимонка в этой кулинарии ничего не понимала, и не умела. Родители у нее были детдомовские, мать сама никогда ничего толком не готовила, все больше в сухомятку, и ее с сестрой-близняшкой Валентиной ничему не обучила. Только и научились они, что работать не за страх, а за совесть. Так всю свою жизнь и работает без передышки. Когда они с Николаем решили сойтись, она тогда даже на двух работах работала: дворником и сторожем. Наташку тогда с работы сократили, НИИ их закрывался, а она после смерти мужа, совсем больная сделалась, даже в психушке три месяца провалялась. А на руках две девчонки. Надо было как-то помогать ей. Вот как Наташка выписалась из больницы, тогда они с Николаем и сошлись. Правда, работу сторожем Лимонке тогда пришлось бросить. А как мужика одного в доме оставишь? Глядишь, понаведет дружков, или, чего доброго, соседей, растащат все ее добро. А дворником осталась, да и Николай тогда стал помогать ей, все полегче стало...

Это сколько же лет он у нее прожил? Лимонка принялась высчитывать. «Когда мы с ним сошлись, старшей внучке Иринке было пять. Сейчас ей уже двадцать два. Это семнадцать лет назад? Вот время-то бежит! Ну, и лет семь уже, как я его выгнала. Это что же получается? Что я с ним десять лет прожила? Да, как один день пролетели. Хороший был мужик, ничего не скажешь! И выпивал только по праздникам, да с полочки, или с пенсии, не то, что покойный

Василий. Тот последние годы вообще ни одного дня трезвым домой не являлся. С этой гадости и помер».

Вот только Николай этот оказался нечист на руку. Правда, Лимонка это только потом заметила, когда уже выгнала его. Тогда она сразу же провела ревизию в доме, и оказалось, что из дома пропал ковшик и детская кружечка, а в сарае – инструмент покойного Василия заметно поредел. Не иначе, это он все прибрал, когда Лимонка в больницу попала: колбасой отравилась. Хоть и забрала она тогда у Николая ключи от дома, (как же чужого человека в доме оставить?), велела ему в ее отсутствие жить на даче, но ведь он же на все руки мастер! Наверное, сумел открыть замки. Потому ей после Николая пришлось все замки поменять. Помнится, почти полпенсии на них вбухала! И все это опять же из-за соседей, из-за Олега этого. Ох, и злыдни же! Как есть, злыдни! И как только таких прохиндеев земля носит? Но и Николай тоже хорош оказался, ничего не скажешь! На деньги польстился, продался. В душе у Лимонки заворочалась старая, незатухающая обида.

Когда в их два дома, за которые просил ветеран войны, наконец, стали проводить воду, то предложили заодно провести и всей улице. Но люди почему-то наотрез отказались. Всем тогда заводила Муся, соседка Олега по дому.

– Не нужна мне ваша вода! – шумела она, и поднимала всех остальных. – Вы сейчас всю дорогу перекопаете, и будем мы тут всю жизнь грязь месить. Жили с колонкой до этого, и дальше проживем!

И ведь добилась своего, не дала проводить воду дальше Лимонкиного дома. Так и остался бы Олег тоже без воды, как и многие другие на улице, но быстро сообразил договориться с Николаем, и тот за деньги сделал ему тайную врезку в ее, Лимонкин, водопровод и канализацию. Это было несложно сделать, потому что Лимонка целыми днями пропадала на работе, во всем, что касалось ремонта, полностью положившись на Николая. Даже ключи ему от дома и от кухни доверяла тогда. Ни о чем этом Лимонка ни сном, ни духом не ведала до тех самых пор, пока у нее в квартире не прорвало трубу. Вот тут-то все их махинации и вылезли наружу. Лимонка тут же попросила Николая вон из своего дома, как подлого предателя и мздоимца, а соседей честно предупредила, что она отрежет им воду, чего бы ей этого не стоило. А как же иначе? Все должно делаться по правилам и по закону, как положено. И Лимонка пошла мытарствовать по кабинетам. Ей тогда пришлось дойти аж до самого мэра, потому что ни в ЖЭКе, ни в Водоканале, не приняли никаких мер по ее заявлению. Видать, у этого Олега все везде было схвачено, все приплачено. Правда, он и ей предлагал денег, чтобы все осталось, как есть. Но она гордо отказалась. Она всю жизнь прожила только на то, что заработала честным, добросовестным трудом. Ни разу в жизни она не отступила от буквы закона и очень этим гордилась. Нет ни одного человека в мире, который бы мог обвинить ее в нечестности...

Из кладовых Лимонкиной памяти непрощено всплыл давно забытый, полувековой давности, случай. Настолько далекий, что казалось, все происходящее было не с ней, а с кем-то другим, как в старом, забытом кино. Работала она тогда бухгалтером-ревизором в городском Общепите. Ходила с проверками-ревизиями по столовым, кафе, буфетам. Ни одного замечания или нарекания по работе у нее не было. Слыла Лимонка, тогда еще молодая Людмила Васильевна, честной, дотошной и неподкупной до такой степени, что все кассиры ее откровенно побаивались. Но у начальства была на хорошем счету. Премиями баловали за хорошую работу, не одну Грамоту за добросовестный труд получила она за восемь лет своей безупречной службы. Поговаривали, что она – единственный кандидат на место собирающегося на пенсию главного экономиста. И тут случилась с ней эта история. Проверяла она как-то одну столовую, и обнаружила у кассира небывалую по тем временам недостачу – 1000 рублей! Если считать, что в те времена зарплата кассира была 72 рубля, это были сумасшедшие деньги! Лимонка сейчас даже не могла вспомнить имени этой кассирши. А вот, как кассирша тогда умоляла ее

не составлять акт, она почему-то запомнила хорошо. Вспомнила, как та стояла перед ней на коленях:

– Людмила Васильевна, Христом-Богом молю, пожалейте! Дайте мне 3 дня. Я найду деньги и внесу в кассу. Сын у меня в беду попал. На адвоката взяла... Засудят, пропадет парень... – сбивчиво, сквозь слезы, просила она.

– Ты соображаешь, что ты мне предлагаешь? – искренне возмущалась Людмила Васильевна. – Это же подлог! Нет, я на это не пойду! Даже ради детей.

– Ох, не зарекайтесь, Людмила Васильевна. Я ведь тоже так думала, когда кассиром устраивалась...

– А что с сыном-то стряслось?

– Беда, – коротко объяснила кассирша, тяжело понимаясь с колен.

– Ну, и что за беда? – допытывалась Людмила Васильевна.

Видно было, что кассирша почему-то не хочет рассказывать.

– А, – махнула она рукой. – Обычная история. В техникуме он у меня учится. Думала, закончит, мне полегче будет, а оно вон как получилось. Ведь я одна троих деток тяну... Старший он у меня. Техникум в этом году должен закончить. Ну, шел вечером с тренировки – он уже перворазрядник по боксу. Хороший парень, – надолго замолчала кассирша, задумавшись о чем-то своем.

– Подрался, что ли? – догадалась Людмила Васильевна.

– Да. Увидел, что к какой-то девчонке двое пристают, ну, и заступился за нее.

– И чего ты так переживаешь? Суд во всем разберется. – Попыталась утешить ее Людмила Васильевна.

– Если бы... Его за применение недозволенных приемов судить будут. Он ведь одному скулу своротил, а другому руку сломал. – Заплакала кассирша. – Вот я и наняла адвоката. Умные люди посоветовали, что так оно надежнее будет. А тут, как на грех, Вы с этой ревизией...

Вечером Лимонка обо всем рассказала мужу. Он слушал молча, только хмурился и качал головой, словно у него нестерпимо болели зубы.

– Ну, а ты что? – спросил он, наконец.

– Как что? – удивилась тогда Лимонка его недогадливости. – Акт составила о недостатке. Все, как положено...

– И не пожалела пацана? Ведь у тебя у самой сын растет.

– А что ты хотел, – неожиданно разозлилась Лимонка на мужа. – Она, значит, будет деньги из кассы таскать, а я покрывать ее должна? А если меня проверят? Ты об этом подумал? Тогда уже не на нее, а на меня акт составят. За то, что я растратчицу покрываю, – пыталась она втолковать Василию такую простую для нее истину.

Тот долго и внимательно смотрел на нее, потом в недоумении мотнул головой:

– Да, оказывается, права была моя мама, а я ей не поверил...

– В чем же это она была права? – ехидно спросила Лимонка.

Она недолюбливала свекровь, интуитивно чувствуя, что и та не приняла ее сердцем, что в своих мечтах совсем другую видела рядом с сыном.

– В том, что рано или поздно твой ген сиротства даст о себе знать.

– Вась, ты, о чем? – не поняла Лимонка. – Ведь мои родители еще живы...

– О том, что сиротство, и в самом деле, может по наследству передаваться...

– Ты что несешь-то? Тебя послушать, так выходит, что я при живых родителях сирота?

– Душа у тебя сиротская, вот что! Твоих родителей в детдоме кое-чему обучили, а вот добро, видать, некому было преподавать. Да и не было у них такого предмета. Душу в них забыли вложить! И тебе ее не дали, потому что давать-то нечего. Вот, и живете вы все, как

работы. Вроде бы все правильно делаете, как положено, по закону, а все получается не по-людски...

– А что я плохого сделала? – взвилась Лимонка. – Чего ты взъелся на меня? Это моя работа, между прочим!

– А что ты кому хорошего сделала? Живешь, как кукла бесчувственная! Никому от тебя ни тепло, ни холодно...

– Ой, посмотри-ка на него, какой добрый нашелся! А кто с последней полочки десятку от семьи пропил? Это как?

– А чего мне не пить, когда живем, как на вокзале? Стирку вон, от отпуска до отпуска копишь! И жрать дома нечего! Ноги домой не идут!

– Как это жрать нечего?! У меня, между прочим, дома колбаса и яйца не переводятся! И мы, как другие, в Москву за ней не мотаемся! – кричала незаслуженно обиженная Лимонка. Колбаса была ее единственной привилегией на работе – она всегда могла купить ее на базе. И очень гордилась тем, что у нее в доме всегда есть еда.

– Это, по-твоему, еда? – съехидничал Василий. – Хоть бы раз борща наварила...

Взаимные упреки в тот раз переросли в первую и последнюю их потасовку. Но не это было страшно. Синяки и ушибы зажили, а вот рана в душе, под названием «ген сиротства» осталась на всю жизнь.

На суде Людмила Васильевна выступала главным свидетелем. Кассирше той дали три года. На работе, если как-то и обсуждался этот случай, то только за спиной Лимонки. Даже руководство на этот раз почему-то не вынесло ей ожидаемой благодарности. Словно ничего и не произошло. А через год на освободившееся место главного экономиста назначили не Лимонку, а кого-то из бухгалтерии. «Кто-то подселел. Или свою протолкнули», – беззлобно подумала тогда она. Ей было неплохо и на своем месте. От людей она краем уха слышала, что сыну кассирши дали пять лет. Не помог, видать, адвокат. Девчонок ее, 10 и 7 лет определили в детдом. Ну что ж, и там люди живут. Мои же родители выросли...

А между Людмилой и Василием с того самого вечера пролегла пока еще узенькая трещина непонимания, с годами размытая в глубокий и широкий овраг... Так и жили, каждый своей жизнью, все более и более отдаляясь, и не понимая друг друга. Василий стал выпивать, а Лимонка под села на книги. Она читала запоем, все подряд, как наркоманка. Благо, библиотека была рядом, на их же улице. Позже, немного насытившись, она уже стала выбирать из книжной лавины то, что ей было ближе по духу. Это были, в основном детективы. Мелодрамы с душевными переживаниями героев ее мало трогали. Захватывающие же детективы, с изворотливыми и коварными преступниками и честными, доблестными операми, где из замотанного клубка хитросплетений надо добраться до истины, разоблачить и наказать врага – это другое дело! Это захватывало! Понемногу ее внутренний мир заполнялся книжными персонажами. В основном, это были отрицательные, хитрые и коварные злодеи, которых она с неизменной ловкостью распознавала за их лживой личиной, и бесстрашно раскрывала все преступления...

Дети незаметно выросли, выучились и разлетелись. Похоронила Василия – он не дожил до пенсии одного года. Умер тихо и незаметно: уснул, и не проснулся. А Лимонка все читала, читала и читала. Пока на смену ее любимым детективам не пришли многочисленные сериалы с чужой, непонятной, но такой красивой жизнью. Она смотрела телевизор с таким же упоением, как и читала, не пропуская ни одной серии, все подряд, пока ее голова не переполнилась бразильским золушками, аферистами, ворами, рэкетирами, бандитами всех мастей и новоявленными политиками. Все они устраивали против нее такие зловещие и подчас неразрешимые комбинации, что она, устав бороться с ними со всеми, в один прекрасный день решила «завязать» с телевизором, иначе так и с ума сойти недолго. И отвезла его дочери.

Вот тут-то ее и начали донимать соседи. Она и сейчас отлично помнит, как из-за этой воды у них и началась самая настоящая война. Со скандалами, с криками, от которых Лимонка

чуть не попала в больницу. Тогда же, сразу после того, как она выгнала Николая, пропал ее любимец – кот Никитка. Лимонка очень переживала его пропажу. За долгие годы она привязалась к нему.

А воду Олегу все-таки отрезали. Вот тогда уж он побегал по кабинетам! В конце концов, Олег провел воду, но уже так, как положено. С оформлением, через Водоканал и за бешенные деньги – 22000 рублей! А, ничего с ними не сделается, они богатые, на Севере, небось, вон какие деньжищи получали! Лимонка торжествовала победу. Теперь можно жить спокойно. Но не тут-то было! Лимонкина спокойная жизнь, едва начавшись, тут же и закончилась. Олег завел собаку. Это назло ей, Лимонке.

Олег привез молодую дворняжку Герду, и сразу посадил ее на цепь. Но Герда, привыкшая жить на воле, на цепи сидеть не хотела, и сутками напролет выла, и выла, и выла. Ага, это теперь он так решил доконать Лимонку! Ведь специально на скандал ее вызывает. Но Лимонка, поняв его хитрость, на это не клюнула. И только когда не только всем соседям, но и самим хозяевам это надоело, Олег отпустил Герду с цепи. Та тут же перепрыгнула через забор на улицу, и с тех пор так и моталась по всей округе, только на ночь пробираясь во двор к Олегу. Собака была глупая, веселая и совершенно беззлобная, назойливо лезла играть к прохожим, виляя хвостом. «А ведь это они специально придумали, чтобы она меня покусала. Участковому разве пожаловаться?». Теперь Лимонка каждое утро с опаской выходила из дома с куском еды для этой Герды. Кинет ей, если она крутится на улице, и пока Герда ест, Лимонка успеет благополучно отойти подальше от дома.

Через полгода Герда каждое утро терпеливо ждала Лимонку у калитки, преданно заглядывая в глаза, радостно виляя хвостом, и норовя лизнуть в лицо. Потом она шла провожать Лимонку до троллейбусной остановки. Лимонка ложилась рано, и вставала, когда некоторые только укладывались спать. На работу ездила с первым троллейбусом, чтобы пореже встречаться с соседями. Так они теперь и ходили с Гердой по темным спящим улочкам. Им было хорошо и спокойно вдвоем, никто не досаждал, не мешал им. Они словно нашли друг друга, выброшенные на обочину жизни. А еще через какое-то время Герда уже и встречала Лимонку на остановке, отыскивая ее среди выходящих из троллейбуса, и радостно трусила за ней до самого дома. Лимонка, сама не понимая почему, привязалась к собаке, и уже не представляла, как это она раньше могла жить без нее. Потом Герда, как это бывает с собаками, загуляла. По улице стало страшно пройти от прибежавших на зов собачьего гона псов всех мастей и пород. Штук двенадцать кобелей сбились в злобную и страшную в своем природном соперничестве свору. Соседи начали взывать к совести Олега, чтобы тот привязал Герду. Но он всем отвечал, что это не его собака, она у него не живет. Пока люди ругались с Олегом, и грозили, что вызовут собачников, собачья свадьба благополучно закончилась, все женихи разбежались по домам, и все, казалось, затихло.

Лимонка очень переживала в те дни, когда Герда загуляла. Не передать, сколько она натерпелась страху, когда вся собачья свора во главе с Гердой сопровождала ее по утренним безлюдным улочкам. Но больше этой своры она боялась, что кто-нибудь с улицы все-таки вызовет собачников, и Герду заберут. Но все затихло и, казалось, Герде уже ничто не грозит. Лимонка даже стала подумывать, а не взять ли ей от нее щеночка. И вот уже третий день, как Лимонка не видела Герду. Лимонка выходила на крыльцо, шепотом, чтобы не услышали соседи, звала Герду, но та не откликалась. Лимонка чутко прислушивалась, не пищат ли за забором во дворе у Олега щенята, но оттуда не доносилось никаких звуков. Лимонка не на шутку встревожилась.

На четвертый день своего вынужденного безделья, она пошла к магазину, чтобы посмотреть, не вертится ли Герда, как обычно, у входа или у мусорных баков неподалеку. Но та словно в воду канула. В магазине Лимонке покупать было нечего. «Разве колбаски для Герды купить? Оценилась, наверное, так хоть побалую ее. Да и сама, может, кусочек съем», – подумала она.

Уже на выходе Лимонка встретила Мусю. В другое бы время Лимонка сделала вид, что не видит, но в этот раз решила подождать ее у магазина, в надежде хоть что-нибудь узнать о Герде. Пока возвращались, успели поговорить обо всем: о маленькой пенсии, о ценах, о погоде, и только уже почти около своего дома, Лимонка, словно невзначай спросила:

– Что-то Герды Олеговой совсем не видать. Оценилась, что ли?

– А ты что, ничего не знаешь? Ну, Люся, ты как на Луне живешь! Собачники приезжали, забрали ее.

– А кто же их вызвал? – спросила Лимонка, словно это имело для нее какое-то значение.

– Уж не знаю, кто вызывал. Знаю только, что никак не могли ее поймать. Она во двор через забор перепрыгнула, а собачники туда без хозяев заходить не имеют права. А тут как раз Олег подъехал. Так он сам им ее и вывел, и даже в машину к ним посадил. А она, дурочка, хвостом вертит, радуется...

– Ладно, пойду я, замерзла совсем, – еле отвязалась Лимонка от Муси.

Ей стало так плохо от услышанного, что кровь ударила в голову. «Душегуб проклятый! Он сам же и вызвал этих собачников, – зло думала она про Олега. – Конечно, заметил, что собака все время около меня крутится, вот и отомстил мне. Как же можно, ведь она должна была вот-вот ощениться. Эх, Герда, Герда... Надо было мне ее к себе забрать», – запоздало осенило ее. Лимонка остро почувствовала, что осиротела. На ум пришло давно забытое «ген сиротства». Почему-то ни смерть мужа, ни пропажа Никитки не потрясли ее в свое время так, как потеря этой чужой, вражьей собаки. Она прямо в прихожей, на полу, бросила пакет с ненужной теперь колбасой, чего с ней раньше никогда не случалось. Видно, от всех этих переживаний, у Лимонки, резко поднялось давление. Да как же не переживать? «Надо выпить таблетку», подумала она. Руки тряслись, и она долго не могла попасть ключом в замочную скважину, чтобы открыть спальню. Там, на тумбочке лежали спасительные таблетки. Лимонка не стала ужинать, как собиралась, а сразу же выпив таблетку, не раздеваясь, легла в постель, потому что дико болела голова, а в висках яростно стучали молоточки. «Сейчас выпью таблетку, посплю, и все пройдет», – успокаивала она себя. Но сон не шел к ней, в голову лезли воспоминания, как они бродили с Гердой по улице, два одиноких, никому ненужных существа, изгой. И беседовали. Говорила вообще-то Лимонка, а Герда, глупышка, все чему-то радовалась, забегая вперед и преданно заглядывая ей в глаза, словно понимала все-все, о чем жаловалась ей Лимонка. Лимонке стало так жалко Герду, а с ней и себя, что она тихо заплакала. Слезы сами собой лились и лились из ее тусклых, поблекших глаз, стекая по морщинистой щеке на подушку. Первый раз за всю свою жизнь она так горько и безутешно плакала. И все никак не могла понять, отчего у нее так все болит и ноет внутри?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.